

УДК 902«637»(5)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.278.282>

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ

© 2022 г. И.В. Ковтун

В статье обоснованы особенности хозяйственно-культурного типа населения андроновской культуры Барабы, Новосибирского и Томского Приобья, Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи и Среднего Енисея. Констатируются факты малочисленности поселенческих комплексов и практически полное отсутствие андроновских жилищ севернее 53/54 параллелей, к востоку от Иртыша и Оби. Приводятся палеоклиматологические выводы исследователей о ксеротермическом периоде, начавшемся в андроновскую эпоху. На основании сопоставления указанных и иных данных автором сделан вывод о переходе андроновских сообществ Южной Сибири к кочевой и/или полукочевой модели скотоводства, с присущей ей мобильностью и особыми формами социальной организации.

Ключевые слова: археология, андроновская культура, ранние кочевники, полукочевники, жилища, поселения, Бараба, Приобье, Кузнецкая котловина, Ачинско-Мариинская лесостепь, Средний Енисей.

EARLY NOMADS OF THE ANDRONOVO PERIOD

I.V. Kovtun

The paper provides a rationale for the specific features of the economic and cultural type of the Andronovo culture population in Baraba, Novosibirsk and Tomsk Ob River region, Kuznetsk Hollow, Achinsk–Mariinsk forest-steppe and Middle Yenisei River. It states the facts of a small number of settlements and practically absolute absence of the Andronovo dwellings further north of the 53/54 parallels, to the East of Irtysh and Ob Rivers. The author features paleo-climatological conclusions of researchers about the xerothermic period which began in the Andronovo period. According to a comparison of these and other data, a conclusion was made about the transition of the Andronovo communities of Southern Siberia to nomadic or semi-nomadic model of cattle-breeding with its inherent mobility and special forms of social organization.

Keywords: archaeology, Andronovo culture, early nomads, semi-nomads, dwellings, settlements, Baraba, Kuznetsk Hollow, Achinsk–Mariinsk forest-steppe, Middle Yenisei River.

На юге Западной Сибири стационарные андроновские жилища главным образом представлены только в юго-западной и центральной частях Алтайского края, а их количество исчисляется двумя третями пальцев одной руки. Такие сооружения зафиксированы на поселениях Переезд, Жарково-3 и Ляпустин Мыс (Федорук А.С., Папин, Федорук О.А., 2018, с. 76). Далее на северо-восток известны ещё две конструкции, исследованные В.А. Захом на поселении Куделька и Г.А. Максименковым на среднеенисейской стоянке Ключи. Хотя в последнем случае более вероятна версия Э.Б. Вадецкой, интерпретирующей эту находку как оборонительное сооружение для укрытия людей и скота (Максименков, 1978, с. 122–123; Вадецкая, 1986, с. 45). Жилище с поселения Куделька представляло собой «полуземлянку подпрямоугольной формы, слегка углублённую в материк. Длинной осью она вытянута с северо-востока на юго-запад перпендикулярно древнему руслу Ини. Внутри котлована площадью 72 м и за его пределами зафиксированы более 100 столбовых ямок глубиной от 0,1 до 0,4 м, очаг, прокалы, хозяйственные ямы, колодец и погребение

животного». При этом рядом с данным сооружением находилась ещё и лёгкая постройка, не углублённая в материк (Зах, 1997, с. 39, 41). Показательно, что орнамент керамического комплекса поселения имеет выраженный позднеандоновский облик, а композиции некоторых сосудов обнаруживают параллели с орнаментальными сюжетами карасук-лугавского времени (см. напр.: Зах, 1997, с. 45, рис. 17, 16, 20, 21; сравн.: Ковтун, 2001, с. 157, табл. 106).

За исключением этого неоднозначного случая, севернее 53/54 параллелей на юге Западной Сибири стационарные андроновские жилища, по-видимому, отсутствуют вовсе. Ещё в 1985 г. на это обратил внимание В.И. Молодин и первым предпринял попытку интерпретации совокупности фактов, сопутствующих данному обстоятельству: «Как известно, жилища андроновцев исследованы в настоящее время в Казахстане и Зауралье и представляют собой землянки площадью 200–250 м² подчетырёхугольные в плане. На территории Минусинской котловины поселения андроновцев, к сожалению, почти полностью уничтожены ветровой эрозией, поэто-

му говорить о поселениях в аспекте анализа жилищных комплексов не приходится. Что же касается огромной территории лесостепей между Минусинской котловиной и Иртышом, где обитали андроновские племена, несмотря на наличие культурных слоев андроновского времени, в Кузбассе, на верхней Оби и в Барабе до сих пор не обнаружено ни одного жилища андроновцев. Этот факт вряд ли можно объяснить слабой степенью изученности андроновских поселений в этом обширном районе, тем более что на ряде памятников, в том числе и в Барабе на поселении Каргат-6, выявлены хозяйственные комплексы андроновцев: ямы, заполненные костями животных, керамикой, рыбьими костями и чешуей и т. д. Поэтому вряд ли прав В.И. Матющенко, полагая, что в Верхнем Приобье жилища андроновцев могут напоминать известные по раскопкам в Казахстане конструкции.

На наш взгляд, причина такого положения вещей как раз в особенностях конструкций андроновских жилищ, которые мы пока не смогли проследить, исследуя андроновские поселения. Жилища могли быть наземного типа, легко складывающиеся и подлежащие транспортировке. На эту мысль наводит ряд фактов. С появлением колеса андроновцы получили возможность передвигаться на значительные расстояния. Это новшество несомненно способствовало их усиленному и достаточно быстрому продвижению на восток. Потребность в передвижении была обусловлена, очевидно, необходимостью в пастбищных угодьях. По этой причине у андроновцев могло произойти изменение в типе посёлка и конструкции жилища, которое из обширной землянки могло превратиться в легкую наземную конструкцию» (Молодин, 1985, с. 114).

Примечательно, как меняется ситуация по мере продвижения андроновской миграции с юго-запада на северо-восток. В Центральном и Восточном Казахстане нуртайские, нуринские, атасуские и андроновские жилища представлены многократно (напр.: Ткачёв, 2002, с. 9–13, 18–29, 73–80, 96–104, 114–119, 129–147 и др.; Ткачёва, Ткачёв, 2008, с. 19–90). Поэтому в сравнении с их количеством три жилых андроновских сооружения на Алтае скорее указывают на то, что здесь таких жилищ уже почти нет. Наконец, ещё севернее и северо-восточнее, в Барабе, Новосибирском и Томском Приобье, в Кузнецкой котловине, Ачинско-Мариинской лесостепи и на Среднем Енисее, жилищные постройки андронов-

цев отсутствуют вовсе, исключая упомянутые конструкции из Кудельки и стоянки Ключи.

В подобной ситуации любые доводы о недоисследованности территории, как и указывал В.И. Молодин, или особой локации мест проживания андроновцев выглядят неубедительно. Достаточно сравнить соотношение андроновских могильников и поселений/жилищ с аналогичной пропорцией ирменских погребальных и поселенческих комплексов с жилыми сооружениями, чтобы понять колоссальную разницу между образом жизни населения двух культур.

Думается, не случайно отсутствие жилищ органично дополняется отсутствием археологических свидетельств бронзолитейных практик андроновского населения Южной Сибири. Редким и потому показательным исключением из этого правила представляется упоминание о фрагментах крупного сосуда со следами выплавки бронзы с поселения Кадат 4 (Бобров, 2013, с. 88) в Ачинско-Мариинской лесостепи. Не отличаются представительностью культурного слоя и андроновские находки на поселениях региона, хотя бытование андроновских сообществ насчитывает здесь не менее трёх-четырёх столетий. Более того, здесь известны сравнительно обширные территории с многочисленными могильниками андроновской культуры, но при полном отсутствии каких-либо андроновских поселенческих комплексов. К числу таких районов, например, относятся предгорья всего Восточного Салаира, где исследовано восемь андроновских могильников и не обнаружено ни одного поселения. Для сравнения: на сопредельной территории лесостепного Алтая и в Кулунде открыто не менее 11 поселений с андроновскими комплексами: Советский Путь-1, Чекановский Лог-3А, Переезд, Манжиха-2, Сосновый Лог-1, Фирсово-ХV, Большой Лог-1, Ляпустин Мыс, Коровья Пристань-III, Жарково-III, Шляпово (Леонтьева, 2016). При этом в центральной части Кузнецкой котловины, вдалеке от восточно-салаирских предгорий, известны лишь два неопубликованных поселения с немногочисленными фрагментами андроновской керамики: Сапогово IV (раскопки Ю.В. Ширина) и Красная горка (раскопки А.М. Илюшина). Не случайно в андроновских захоронениях этого региона фигурируют только кости баранов (Бобров, Михайлов, 1989, с. 55), подтверждающие высокую мобильность коллективов, оставивших данные могильники.

Симптоматично и значительное количество андроновских некрополей среднеенисейских котловин, непропорционально и кратно превышающее общее число редких и невыразительных андроновских стоянок данного региона. Сейчас здесь насчитывается 13 поселенческих комплексов с андроновскими материалами, но андроновских жилищ как не было, так и нет (Лурье, 2019, с. 88). Это не означает, что андроновских поселений на Среднем Енисее было очень мало. Просто в силу относительной недолговременности стоянок высокоомобильных коллективов, а равно присущих такому жизненному ритму и хозяйственному укладу разборных и транспортируемых наземных жилищ, следы подобных местопребываний, как и указывал около сорока лет назад В.И. Молодин, почти не фиксируются археологически. К схожим самостоятельным выводам сейчас повторно приходят и современные исследователи андроновских древностей Среднего Енисея (Лурье, 2019, с. 88).

Отмеченные факты указывают на особый хозяйственно-культурный тип, сложившийся у андроновских мигрантов севернее 53/54 параллелей, к востоку от Иртыша и Оби. Ксеротермический период начала и всего II тыс. до н. э., влияние которого на палеогеографические и культурно-исторические ландшафты Северо-Западной Азии вслед А.В. Шнитниковым отмечал М.Ф. Косарев (Косарев, 1984, с. 34–35, 42 и др.), вынудил андроновцев мигрировать на север и северо-восток в поисках обширных неиссушенных пастбищ для своих стад и предопределил трансформацию их жизнедеятельности с придомовым и отгонным типами выпаса скота. Так аридизация климата обусловила генерацию иных, оптимальных форм андроновских хозяйственных практик и переход к кочевой и/или полукочевой модели скотоводства с присущей ей мобильностью и особой социальной организацией. В результате хозяйственно-культурный тип андроновских мигрантов кардинально видоизменился, первоначально под влиянием внешних факторов природной среды, а впоследствии и в силу появления неоднородного инокультурного окружения.

Перечисленное удостоверяет, что андроновцы Кузнецкой котловины, Ачинско-Маринской лесостепи и Среднего Енисея, а также, возможно, Барабы, Новосибирского и Томском Приобья являются исторически первыми кочевыми или полукочевыми этнокультурными

сообществами этого субконтинентального ареала. Следовательно, начальный период истории южносибирского номадизма, согласно терминологии М.П. Грязнова именуемый эпохой «ранних кочевников», начинается не с раннего железного века, как общепринято считается в отечественной археологии, а с андроновской экспансии на западносибирские территории. Поэтому «ранним кочевникам» эпохи раннего железа предшествовали ещё более ранние кочевники (или полукочевники) эпохи развитой бронзы. Следовательно, переход к кочевым формам скотоводства способны катализировать не только процессы увлажнения климата, совпавшие с началом раннего железного века и повлекшие изменение ландшафтных границ при расширении пастбищных угодий. Обратные явления, приводящие к иссушению пастбищ в ксеротермическую эпоху, также способствовали поиску новых источников корма для скота. Они стимулировали андроновские миграции в более северные широты, генерируя становление адекватного подобному образу жизни кочевого или полукочевого хозяйственного уклада.

Судя по занимаемым экологическим нишам и составу животных остеологических материалов из захоронений, кочевой/полукочевой уклад андроновских коллективов определялся практиками экстенсивного пастбищного скотоводства. Такая система жизнеобеспечения поддерживалась весенне-летне-осенними перекочёвками на новые кормовые территории с нетронутым травянистым покровом, с зимниками, фиксируемыми как поселения, и тебенёвками, с сезонными элементами вертикально-отгонного (в предгорьях), т. е. яйлажного, способа выпаса скота. Вероятно, для различных андроновских популяций был характерен либо чисто кочевой подтип, с непрерывным круглогодичным кочеванием со скотом с одного сезонного пастбища на другое, отсутствием сезонных стоянок и предстательной доли крупного рогатого скота, стационарных жилищ и построек для домашних животных и т. п., либо кочевой подтип с сезонной стоянкой (Симаков, 1982, с. 75).

Думается, андроновцы кочевали главным образом сравнительно небольшими экзогамными группами, сохранявшими традиционную идентичность в составе эндогамной совокупности подобных этнокультурно однородных образований. Кочевой или полукочевой уклад андроновских сообществ восточных областей ареала объясняет беспрецедент-

ные и не имеющие исторических аналогов масштабы их экспансии в этом направлении. Поэтому андроновцы как первые сибирские номады бронзового века представляются и самыми ранними археологически выраженными кочевниками/полукочевниками восточного ареала евразийских степей. В этом каче-

стве андроновцы, освоившие территорию как минимум от Кузнецкой до среднеенисейских котловин, а также, вероятно, от Барабы до Новосибирского и Томского Приобья, – это протономады степей Евразии и предтеча кочевого мира раннего железного века обширного субконтинентального ареала.

ЛИТЕРАТУРА

Бобров В.В. Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 2. С. 84–92.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. Кемерово: Деп. в ИНИОН, 26.06.89. № 38518, 1989. 197 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 132 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 302 с.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 24 с.

Лурье В.М. Андроновские поселения в Минусинских котловинах // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 88–89.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // СЭ. 1982. № 4. С. 67–76.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Том I. Тюмень: Изд-во ТюмНГУ, 2002. 289 с.

Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А. Роль миграций в развитии андроновской общности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. Т. 35 №3. С. 88–96.

Федорук А.С., Папин Д.В., Федорук О.А. Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 3. С. 75–82.

Информация об авторе:

Ковтун Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, (г. Кемерово, Россия); ivkovtun@mail.ru

REFERENCES

Bobrov, V. V. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (2)», 84–92 (in Russian).

Bobrov, V. V., Mikhailov, Yu. I. 1989. *Andronovskie pamiatniki Ob'-Chulymskogo mezhdurech'ia (The Andronovo sites of the Ob-Chulyum Interfluve)*. Kemerovo (in Russian).

Vadetskaya, E. B. 1986. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia (Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zakh, V. A. 1997. *Epokha bronzy Prisalair'ia (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikroraiona) (Bronze Age of the Salair Region (Based on Materials from Izylinsky Archaeological Microdistrict))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kovtun, I. V. 2001. *Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noi i Severo-Zapadnoi Azii: (Problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sajano-Altai) (Graphical Traditions of the Bronze Age of Central and North-West Asia: (Issues of the Genesis and Chronology of Iconographic Complexes in the North-Western Sayano-Altai))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kosarev, M. F. 1984. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti (Western Siberia in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leot'eva, D. S. 2016. *Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaia (po materialam poselenii) (Ceramics of the Andronovo culture of the Steppe and Forest-Steppe Altai (Based on Settlement Materials))*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Lur'e, V. M. 2019. In Polyakov, A. V., Tkach, E. S. (eds.) *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v kontekste sviazei i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Relations and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Information and Concepts) 2*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, "Nevskaia Tipografiia" Publ., 88–89 (in Russian).

Maksimenco, G. A. 1978. *Andronovskaia kul'tura na Enisee (Andronovo Culture on the Yenisei River)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy (Baraba during the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Simakov, G. N. 1982. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography) (4)*, 67–76 (in Russian).

Tkachev, A. A. 2002. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Central Kazakhstan during the Bronze Age)*. Vol. I. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas Institute (in Russian).

Tkacheva, N. A., Tkachev, A. A. 2008. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 35 (3)*, 88–96 (in Russian).

Fedoruk, A. S., Papin, D. V., Fedoruk, O. A. 2018. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 46 (3)*, 75–82 (in Russian).

About the Author:

Kovtun Igor V. Doctor of Historical Sciences, Kemerovo, Russian Federation; ivkovtun@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.01.2022 г.
Статья принята к публикации 24.03.2022 г.